

Литература и источники

1. Меженков В. П. Русские: истоки, психология, судьба. – М.: Русская книга, 2003. – 696 с.
2. Россия перед вторым пришествием (материалы к очерку Русской эсхатологии). – М.: «Серда-Пресс», 1999. – 560 с.
3. Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова Ros, Rossia, Россия // Вестник древней истории. – 1940. – №2. – С. 121–123.
4. Откровение святого Иоанна Богослова // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и примечаниями. – М.: Российское библейское общество, 2002. – 1376 с. – С. 1325–1346.

Масаев М. В.**ЦВЕТНАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ (ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

В средние века, когда феодализм утвердился и ещё не стал разлагаться развивающимися в его недрах капиталистическими отношениями, то есть когда безраздельно господствовал феодальный строй и ни о каком бы то ни было ином строе никто серьёзно не помышлял, когда политические партии невозможно было создавать с идеологическими ориентациями, в одной из классических феодальных стран, а именно в Византийской империи, политические партии стали различать по цветам одежд возниц, участвовавших в конных состязаниях: венеты («голубые»), прасины («зелёные»), левки («белые») и русии («красные») [1, с. 124]. При этом «красные» не выражали интересы рабочих и беднейших крестьян и их идеологов коммунистов, «белые» не имели никакого отношения к буржуазии, которых в развитое средневековье не было, «зеленых» не волновали проблемы защиты гибнущей природной среды, которая, правда, и тогда уничтожалась, но не в таких опасных масштабах, а «голубые» были вполне нормальной сексуальной ориентации, не мечтали о едином Европейском Союзе и не предполагали, что их собратья по цвету будут в 2004 году голосовать в Украине за В. Януковича. Византийские политики просто болели за разных возниц на конно-спортивных соревнованиях. Конечно, кое в чем византийские «голубые» и «зеленые» отличались. Среди «венетов» преобладали сенаторская аристократия и крупные землевладельцы, партия «прасинов» отражала прежде всего интересы купцов и крупных ремесленных эргастериев, торговавших с восточными провинциями империи [1, с.124]. Но в целом в условиях отсутствия альтернативы феодальному способу производства разница между «венетами» и «прасинами» была не более существенной, чем между болельщиками киевского «Динамо» и донецкого «Шахтера». Ощутимая разница между византийскими «голубыми» и прочими могла просматриваться лишь в оттенках религиозной ориентации: «голубые» были за ортодоксальное православие, а прочие уклонялись в монофизитство и другие ереси. [1, с. 125]. Поразительно, что украинские «голубые», как и «голубые» византийские, ориентируются на официальное православие (Украинскую Православную Церковь Московского Патриархата), а «оранжевые» украинцы, кроме самого восточного президента Украины В. Ющенко, в родной деревне когорого храм УПЦ Московского Патриархата, как правило, тяготеют к филаретовскому расколу, автокефалам и католикам-униатам.

Но средневековье закончилось, все цвета поблекли и лишь красный цвет продолжал жить в политике, став символом революции и прочих восстаний и бунтов. То есть всего того, что сопровождалось пролитием крови.

Русские революции вызвали к политической жизни, правда, ненадолго, иные цвета. Белые, как антипод красному, зеленый, в его разновидностях: бело-зеленый, красно-зеленый и просто зеленый (просто зеленые били красных, пока не побелеют, и белых, пока не покраснеют).

Красным удалось победить всех. Даже галстуки на груди юных пионеров были красного цвета («как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного»).

Западная же цивилизация обходилась в политике без цветов. «Черную» и «коричневую» чуму фашизма Европа пережила (не без помощи «красного» Советского Союза, заплатившего за спасение западной цивилизации десятками миллионов человек, по данным бывшего научного сотрудника Государственного исторического музея в Москве противника отца Льва Лебедева, цена эта исчисляется до 63 миллионов человек) [2, с. 624]. То, что фашизм продержался в Португалии до апреля 1974 года («революция гвоздик»), а в Испании до ноября 1975 года (смерть диктатора Франко) судьбоносной роли для западной цивилизации не имело). Вот только на португальской революции 25 апреля 1974 г. надо остановиться особо. Эта революция была революцией цветов, «революцией гвоздик».

Да, португальская революция свергла фашизм, 30 лет назад окончательно отвергнутый человечеством разгромленный в ходе второй мировой войны еще в 1945 году заклеенный как преступление против человечества на Нюрнбергском, Токийском и Хабаровском трибуналах. Но революция не стала социалистической, хотя в руководстве страны оказалось много «красных» генералов и адмиралов. Чего стоили только генерал Вашку Гонсалвеш, премьер-министр, адмирал Алва Роза Коутинью, ставший генерал-губернатором крупнейшей португальской колонии Анголы, возглавивший сухопутные силы генерал Фабиан, и ставший командующим оперативными войсками на континенты, главный герой «революции гвоздик», лидер «движения капитанов» майор Отелу Сарайва де Карвальу, ставший в одночасье генералом. Если к этому списку добавить вице-преьера Алвару Куньяла, генерального секретаря Португальской коммунистической партии, то у многих факт, что «революция гвоздик» не

переросла в социалистическую мог бы вызвать и вызывал удивление. Но ничего удивительного здесь не было. Красность «красных» португальский народ оставила безразличным. «Реакционная» часть населения Анголы, правда, завывала, ощутив на себе «красность» адмирала Алва Роза Каутины, который отдавал приказы бывшим колониальным войскам помогать прокоммунистическому Народному движению за освобождение Анголы (МПЛА) расправляться со своими политическими противниками, именуемыми «внутренней реакцией». «Красную Розу», так называли и в Португалии, и в Анголе адмирала Алва Розу Каутину из Луанды (столица Анголы – М. М.) убрали. Сделал это случайно оказавшийся первым президентом демократической Португалии удачно перестроившийся фашист со стажем, носивший по старой немецкой традиции моноколь и в молодости принимавший участие в Сталинградской битве в составе немецко-фашистского вермахта Антониу де Спинола. Интересно, что до 25 апреля 1974 г. этого фашиста успели раскрутить в «демократа» (Оставив пост генерал-губернатора Гвинеи-Бисау, где он прославился жестокой колониальной войной против местного населения, А. де Спинола. опубликовав «диссидентскую» книгу «Португалия и её будущее», был снят с поста заместителя Генерального штаба, но был назван свергнутым фашистским диктатором Марселу Каэтану в качестве того, кому он готов передать власть, на что «движение капитанов» «революции гвоздик» во главе с незадачливым майором отелу Сарайва де Карвальо не возражало). Генерал-фашист во главе демократической Португалии удержался не очень долго, до 30 сентября 1974 г. Интересно, что вслед за ним ушла и «красная плеяда» генералов и адмиралов вместе с генсеком португальских коммунистов. Это случилось после того как счастливый совершитель революции гвоздик, но незадачливый на этот раз уже генерал-майор Отелу Сарайва де Карвальо после «левацкой» провокации на авиабазе Танкуш 24-25 ноября 1975 года был разжалован в майоры и посажен в тюрьму. Для португальского народа «красные» генерал и адмиралы вместе с коммунистами ассоциировались с беспокойными смутьянами-леваками, но никак не с лучшей жизнью. Не стали «красные» генералы и коммунисты символом этой лучшей жизни. Почему?

Да, наверное, потому, что таковой символ не был представлен португальцам. В экономически, политически и культурно отсталой стране, где выпускника средней школы на полном серьёзе называют доктором, а слово инженер употребляется как титул герцога или маркиза, слова «красный» и «коммунизм» не могли стать символами лучшей жизни. Да и как они могли слышать что-то хорошее о коммунизме в стране, где с 1926 по 1974 год господствовал иезуитский фашизм Салазара, а нищее население буквально паразитировало на эксплуатации богатейших колоний (чего стоила одна только Ангола с её алмазами, нефтью и кофе, по производству которого она уступает только другой бывшей португальской колонии Бразилии). На всех черных работах в Португалии были заняты выходцы из Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, островов Зеленого Мыса и островов Сан-Томе и Принсипи. Что же дала Португалии «революция гвоздик» кроме потери дешевых чернорабочих из Черной Африки? Ничего, а открывавшаяся коммунистическая перспектива народом была отвергнута.

В наших работах «Парадигмальные образы как символы эпох» [3, с. 132-136] и «Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторический аспект)» [4, с. 148-149] мы показали, что знак не станет символом и не сработает без предъявления. Так, «революция гвоздик» ничего не дала португальскому народу кроме демократии, которая, не будучи ранее предъявлена в качестве символа лучшей жизни, оказалась народу не так уж нужна, а коммунистическую перспективу народ просто не понял. Потери дешевых чернорабочих из Черной Африки португальцам удалось успешно пережить – черных поденщиков из Африки заменили белые из Украины, а португальцы из-за своей политической и культурной отсталости даже не поняли, что благодарить за это надо распад СССР. Демократия, которую принесла Португалии «революция гвоздик», вряд ли стала для португальцев понятием знаковым, символическим, так как для португальцев за этим понятием не стоит ничего, кроме нескольких лет временной нестабильности в обществе, про которые уже забыто. Если в западной цивилизации демократия – ценность, то в отсталой Португалии – это *quantite negligeeable* (величина, которой можно пренебречь). Гвоздики – это красиво. Красная Роза в Луанде («красный» адмирал Алва Роза Каутина в качестве генерал-губернатора Анголы) – это ужасно, а коммунизм, социализм, демократия – это непонятные и ненужные абстракции. Что такое демократия для турка? Как пишет турецкий юморист Азиз Несин, демократ может ассоциироваться с *Demir Kirat* (демир кырат), «железный конь», чем не символ для политической партии. Сравним с «*Boz curt*» («Серый волк»). Турки, по словам Азиза Несина, имеют дело всего лишь с двумя импортными продуктами: демократией и кофе, но если с кофе турки разбираются прекрасно, то в демократии турки не понимают ничего. Но это беда не только отсталых португальцев и турок. Шарль де Голль всю жизнь сокрушался, что французы, зная толк в сырах, не понимают ничего в политике.

А что понимают в политике и в демократии на постсоветском пространстве, где везде эта демократия восторжествовала? Говорили: «социализм – плохо, демократия – хорошо». Поверили. Сейчас бабушки молятся богу и просят вернуть Советскую власть, а демократов стали называть «дерьмократами». Не только социализм, коммунизм, но и демократия теряют, и особенно это заметно на постсоветском пространстве, способность быть знаменем политической борьбы. Сейчас как при упрочившемся феодализме, альтернативы которому не было, на постсоветском пространстве утвердилось общество, которое уже становится явно неудобно называть демократическим, но ... альтернативы которому нет. Борьба идеологий, классов, наций теряет смысл. Но политическая борьба продолжается, и, как во времена Византийской империи, она становится борьбой цветов.

История возвращается. Почему бы не избрать в качестве символа цвет формы любимых спортсменов, как это делали в Византийской империи?

Трудно сказать, знаком ли В. Янукович с историей Византии, но действовал он точно как

византийские политики. Он выбрал в качестве символа цвета любимой команды, донецкого «Шахтера», а, точнее, один – голубой.

История знает два типа революций: буржуазные и социалистические, которые могут иметь оттенки национальных (Нидерландская буржуазная революция), антифашистских (социалистические революции в бывших странах народной демократии). Португальская «революция гвоздик» не была ни буржуазной, ни социалистической. Она имела только оттенок. Она была антифашистской. Кроме оттенка она имела и цвет, и цветок, ставший её символом, а именно красную гвоздику. К революциям, не подпадающим под известную марксистско-ленинскую классификацию, можно отнести и «революцию роз» в Грузии, и «революцию тюльпанов» в Киргизии, и пусть и не цветковую, но цветную «оранжевую революцию» в Украине. Ни одна из этих революций не изменила существующего общественного строя, она лишь сменила одну правящую элиту другой. Причем сделано это было без привычных для демократии выборов. Сфальсифицированные выборы – не в счёт. Все эти революции поставили «революционную мораль» выше действующего закона, в этом, и, пожалуй, только в этом, они и совпадают с классическими революциями, в отличие от которых они общественного строя не меняют, не являясь, в сущности, революциями.

Но революции эти стали реальностью нашей жизни. Забытое после падения Византийской империи использование цветов в качестве символов в политической борьбе восстановлено. Такова история, поставленная нами в заголовке проблемы.

Психология её заключается в том, что приятный цвет да ещё если носителем этого цвета является красивый цветок (гвоздика, роза, тюльпан) может стать прекрасным мобилизующим людей фактором, гораздо более сильным, чем классовый или национальный интерес или тем более какие-то идеологические взгляды. Особенно сильно психологическое воздействие приятного цвета на толпу, когда ей что-то раздается. Даже не куртки соответствующего цвета, а хотя бы ленточки. И все это в условиях того, когда классовые и национальные интересы размываются, а идеологические концепции дискредитируются. «Цветные» и «цветастые» революции и стали результатом инструментальных политических технологий, исключивших, по выражению российского политолога А. С. Панарина, «таких референтов, как объективный классовый интерес, классовый социальный заказ, классовая (групповая) политическая воля, не говоря уже о таких презираемых «метафизических псевдосущностях», как объективные законы общественного развития» [5, с. 202-203].

Игра цветов психологически очень легко маскирует невидимую структуру символа, а именно она и есть, как мы писали, «сущность символа взятая сама по себе» [3, с. 133]. И хотя, как считает С. С. Аверинцев, «переходя в символ, образ становится «прозрачным» и сквозь него начинает «просвечиваться» смысл» [9, с. 94], за игрой цветов политический смысл рассмотреть весьма и весьма трудно.

Подмена обозначаемого обозначаемым лежит в основе всех современных политических технологий. Цветная политика опрокидывает политику бесцветную. И это будет до тех пор, пока толпы народа, совершающие «оранжевые» и прочие цветные революции, не научатся видеть, что стоит за красивыми розами, тюльпанами, гвоздиками, оранжевыми и голубыми куртками и ленточками, чтобы не получилось так, что «локомотивы истории» [6, с. 86], так К. Маркс называл революции, будут заводить в позорные тупики, чтобы не возникали ситуации, когда «целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, оказывается отброшенным назад, в умершую эпоху» [7, с. 121], а сама «революция» исчезает в руках ловкого шулера» [7, с. 122].

Интересно, что «цветную революцию» предсказывают и в России. Чего только стоит статья Евгения Анисимова в черноземном варианте «Комсомольской правды» «Требуются опричники?» [8, с. 6-7]. Вот только подходящего цветка (flower) или соответствующих цветов (colours) для очередной русской революции ещё не выбрали. А грядущая русская революция, как и все предшествующие русские революции, будет иметь всемирно-историческое значение, что делает затрагиваемую в статье тему сугубо актуальной.

Источники и литература

1. История средних веков. В 2 т. / под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Карпова. – М.: ВШ, 1990. – Т. 1. – 494 с.
2. Протоиерей Лев Лебедев. Великороссия: жизненный путь. – СПб, 1999. – 680 с.
3. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох // Культура народов Причерноморья. – 2000. – №14. – С. 132–136.
4. Масаев М. В. Чернобыль как символ в контексте постижения перадигмальных образов и символов эпох (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №57. – Т. 2. – С. 148-149.
5. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
6. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.; 2-е изд. – Т. 7. – С. 5-110.
7. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.; 2-е изд. – Т. 8. – С. 115-217.
8. Анисимов Е. Требуются опричники? // Комсомольская правда. Черноземье. – 2005. – №127 (23561). – 16 августа. – С. 6-7.
9. Берестовская Д. С. Культурология. Учебное пособие. – Симферополь: Бизнес-информ, 2003. – 390 с.